

Е. В. Воробьёва

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СЕМАНТИКОЙ ОДНОКРАТНОСТИ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

При изучении отглагольных существительных имеет смысл сначала обратиться к классификации глаголов, поскольку логично предположить, что производные этих глаголов будут отчасти обладать теми же свойствами и разбиваться на те же классы.

Первые классификации глаголов были предложены Ю. С. Масловым на русском языке и Э. Вендлером — на английском¹. Эти классификации были связаны с изучением аспекта, или способа глагольного действия, и поэтому не затрагивали других частей речи. За прошедшие с тех пор годы на ниве аспектологии лингвистами была проделана большая работа, плодами которой стали труды Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгиной, М. Я. Гловинской, Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелёва, О. Н. Селиверстовой, а также ряда англоязычных исследователей². Среди последних и наиболее полных классификаций можно назвать фундаментальную классификацию предикатов Ю. Д. Апресяна³. На основе классификации своих предшественников, носящей, как оказалось, универсальный характер, Ю. Д. Апресян выделяет 16 основных классов предикатов: действия (*атаковать, идти, рубить*); деятельности (*воевать, воспитывать, торговать*); занятия (*гулять, играть, читать (без дополнения)*); поведения (*баловаться, капризничать, скандалить*); воздействия (*Солнце прогревает воздух до 20° C*); проявления (*бле-*

стеть, звенеть, вонять); события (*встречать, находить, происходить*); положения в пространстве (*висеть, лежать*); локализации (*быть/находиться, завалиться, оказываться*); состояния (*знать, радоваться, хотеть*); свойства (*виться* (о волосах), *закатиться, тонуть* (*железо тонет в воде*)); способности (*владеть* (*шпагой*), *говорить* (*по-русски*), *ездить* (*верхом*)); параметры (*весить, вмещать, длиться, достигать*); существования (*бывать, водиться, существовать*); отношения (*включать* 2 зн., *равняться, содержать*); интерпретации (*грешить, клеветать, подводить*).

В качестве примеров приводятся глаголы, выступающие как прототипическая часть речи для большинства разновидностей действия, но Ю. Д. Апресян специально подчеркивает, что такая классификация распространяется на все предикаты, к которым он относит любую непредметную лексику. Упомянутые классы основные, но не исчерпывающиеся в предложенной классификации: существуют дополнительные признаки, которые, соединяясь с предикатами определенных классов, дают новые, зачастую пересекающиеся подклассы. Однако, судя по всему, этот вопрос детально еще не изучен: сам Ю. Д. Апресян упоминает семейство признаков INCEP, FIN, CAUS, LIQU, дающих нам подклассы инцептивных (начинательных), финитивных, каузативных и ликвидативных глаголов, и отсылает интересующихся к работам И. А. Мельчука и А. К. Жолковского⁴, в которых мы тем не менее не находим систематического перечисления этих дополнительных признаков.

Однако кое-что о них мы можем узнать, изучив классификацию способов глагольного действия в русском языке, предложенную Анной А. Зализняк и А. Д. Шмелёвым⁵: начинательные способы (*засвистеть, побежать, взвять*); делимитативный (*погулять*); пердуративный (*проговорить два часа по телефону*); финитивный (*отцвести*); кумулятивный (*накупить*); сатуративный (*наестся*); интенсивно-результативные (*дозвониться, заиграться, разговориться*); однократные (*крикнуть, мазануть*); смягчительный (*поразмыслить, подзабыть, прилечь*); многократный (*сжигать, знать, есть*); прерывисто-смягчительный (*покашливать*); дистрибутивный (*перебить, повыбрасывать*); взаимно-многократный (*переговариваться*); сопроводительный (*приплясывать, подпевать*).

Сравнив принцип этой классификации с классификацией Ю. Д. Апресяна, мы увидим, что Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв

подразделяют глаголы именно по наличию характеристик, которые Ю. Д. Апресян называет «дополнительными признаками». Таким образом, в одной группе могут оказаться глаголы, относящиеся к разным типам предикатов, но объединенные, к примеру, признаком начинательности (INCEP), на что обращал внимание и сам Ю. Д. Апресян⁶: *возникать* (начало + существование), *узнавать* (начало + состояние), *загораться* (начало + процесс), *заговаривать* (начало + действие) и т. д.

При этом необходимо отметить, что большинство значений последней классификации приобретает глаголами путем присоединения к глаголам различных аффиксов (см. примеры) — возможность, которая, хотя и наличествует в норвежском языке, но представлена там иначе, нежели в русском. Поэтому, за исключением анализа глаголов, в лексическое значение которых изначально входит какой-либо из этих признаков, применение опыта этих исследователей не принесет больших плодов при изучении способа глагольного действия в норвежском языке. Однако можно заметить, что те же самые признаки (или семы) могут входить в значение отглагольных существительных, причем способ образования соответствующих значений может быть до определенной степени грамматикализован.

Продемонстрируем вышесказанное на примере группы норвежских отглагольных существительных, в значение которых входит признак однократности. Эта группа выделяется на фоне других именно единообразием словообразования, сопутствующего семе однократности у существительных, причем при образовании существительных с другим значением (мультипликативности) от тех же глаголов используются другие грамматические средства. Е. Б. Добрынина пишет⁷, что семантика мультипликативности возникает у глаголов в результате сочетания семы длительности с семой кратности (многократности), т. е. мультипликативные глаголы выражают неопределенное множество идентичных кратковременных действий, представленных как единое целое. Если же такой глагол участвует в воспроизведении ситуации единичного действия и при этом указана его результативность, отмечается изменение аспектуальной природы, и глагол становится частью подгруппы однократных, или мгновенных, глаголов.

Не нужно углубляться в правила семантической сочетаемости, чтобы понять, что сема однократности не может входить в значе-

ние предикатов, имеющих семы стативности или длительности (деятельность, процесс, состояние, свойство, способность и некоторые другие).

Из примерно 80 проанализированных отглагольных существительных рассматриваемой группы половина обозначает разного рода жесты и телодвижения (и может быть отнесена к классу предикатов действия), а другая половина — это звукосимволические слова, производные от действий, сопровождающихся характерными звуками.

Все эти существительные объединены способом образования: они получаются из глаголов путем отсечения безударного *-e*, на который чаще всего заканчивается инфинитив, и совпадают таким образом с основой глагола: *et nikk* ‘кивок головой’, *et vink* ‘взмах рукой’, *et skrik* ‘вскрик’, *et grynt* ‘однократное хрюканье’ и т. д.⁸ Кроме того, все эти существительные принадлежат к среднему роду, что демонстрируют и приведенные примеры. Изменение рода влечет за собой изменение значения в сторону мультипликативности и, как правило, сопровождается прибавлением окончания *-e*, хотя и не всегда. Например:

(1) *Ofte er det vanskelig å skille mellom et høyllydt host og et nys* ‘Зачастую трудно отличить громкий кашель от чихания’; *Hoste er et vanlig symptom hos voksne og barn med astma* ‘Кашель является обычным симптомом у взрослых и детей, страдающих астмой’; *Hvordan blir jeg kvitt hosten?* ‘Как мне избавиться от кашля?’

(2) *Han svingte storsleggen, og gav fra seg et kort pust for hvert slag* ‘Он взмахивал кувалдой и с каждым ударом производил короткий выдох’; *Han har god pust* ‘У него хорошее дыхание’; *Å være oppmerksom på pusten er den viktigste meditasjonsmetoden Buddha lærte bort til sine elever* ‘Внимательно следить за дыханием — это важнейшая методика медитации, которую Будда передал своим ученикам’.

Отметим тот факт, что многие норвежские отглагольные существительные со значением однократности не имеют эквивалентов в русском языке: на ограниченное число существительных, имеющих русские соответствия (*et byks* — скачок, *et knips* — щелчок пальцами, *et gjesp* — зевок и др.), приходится большое количество слов, вызывающих определенные трудности при переводе на русский язык (приводимый в норвежско-русском словаре эквивалент относится, как правило, к мультипликативному действию), причем практически все они относятся к подгруппе звукосимволических су-

ществительных: *et fnys* — (однократное) фырканье, *et gal* — (однократное) кукареканье, *et grynt* — (однократное) хрюканье, *et hikkk* — (однократное) икание, *et hulk* (однократное) рыдание, *et knegg* — (однократное) ржание и т. д. Словообразовательная модель для однократных отглагольных существительных имеет место в русском языке (ср. *чихать* — *чих*⁹), но во многих случаях попытка воспользоваться ей приводит к образованию не существительных, а отглагольных междометий (зафиксированных, впрочем, в некоторых словарях в качестве существительных с пометой *разг.*). В Русско-английском словаре междометий¹⁰ подобные образования описаны в той части, где даны звукоподражания и глагольно-междометные слова. Аналогично в норвежском языке присутствует большое количество звуко-символических отглагольных междометий, описанных в ряде исследований¹¹. При этом подчеркивается различие между звуко-символическими и звукоподражательными словами: к примеру, в норвежском языке звуко-символическим *gal* — кукареканье и *grynt* — хрюканье соответствуют звукоподражательные *kykkeliky* — кукареку и *nøff, nøff* — хрю-хрю. Иначе говоря, звуко-символическое слово образовано от глагола, обозначающего какое-то действие, и обычно совпадает по форме с отглагольным существительным, содержащим сему однократности, в то время как звукоподражательное слово не имеет самостоятельного лексического значения. Хотя из этого правила бывают и исключения: к примеру, норвежская лошадь говорит “*Knegg, knegg*” — и-го-го, при этом существует глагол *å knegge* — ржать.

Упомянутый выше способ образования от исходного глагола существительных, лишенных признака однократности, путем изменения рода и прибавления окончания *-e* не будет ни единственным, ни самым употребительным. Почти все однократные существительные имеют в паре существительное, образованное от того же глагола путем прибавления к основе окончания *-ing*, что сохраняет в них значение мультипликативности, присущее самому исходному глаголу. Например:

(3) *Gi meg et vink hvis du kommer, slik at jeg har en idé om antallet* ‘Дай мне знак, если ты собираешься прийти, чтобы я знал, сколько будет (гостей)’; *Var han amerikaner, ville han vært en god presidentkandidat basert på vinking alene* ‘Если бы он был американцем, он стал бы отличным кандидатом в президенты только за то, как он машет рукой’.

(4) *Fuglen gjorde et vipp med stjerten* ‘Птица качнула хвостом’; *Jeg detter altid pga vipping ETTER at læreren har sagt til en at han eller hun ikke skal vippe på stolen* ‘Я всегда падаю из-за качания на стуле ПОСЛЕ того, как учитель скажет кому-нибудь, что ему или ей не следует качаться на стуле’.

(5) *Med et gaul lettet han fra asfalten, og ble i lynets hastighet heist 35 meter opp i lufta* ‘Он с воплем оторвался от асфальта и со скоростью молнии поднялся в воздухе на 35 метров’; *Samme gauling er jeg nødt til å høre på både natt og dag* ‘Каждый день я вынужден выслушивать одни и те же вопли’.

(6) *Imidlertid, når Mikke trengte en hest, tok Klaus jobben uten et knegg* ‘Однако, когда Микке потребовалась лошадь, Клаус взял на себя работу, не издав ни единого ржания’; *Det var ingen ond latter, men en hjertlig knegging* ‘Это был не злобный смех, но всего лишь добродушное ржание’.

Как видно из примеров (4), (6), звуко-символические слова могут часто использоваться в переносном значении, что никак не влияет на их аспектуальную характеристику.

А. Н. Ливанова обратила наше внимание¹² на тот факт, что характер отношений между морфологической формой отглагольных однократных существительных и отглагольных мультипликативных существительных вписывается в то понимание иконичности, которое предлагал Р. Якобсон. В одном из своих трудов¹³ он рассуждает о том, что не существует ни одного языка, в котором множественное число существительных выражалось бы нулевым показателем, а единственное — ненулевым (всё как раз наоборот), и что при образовании степеней сравнения прилагательных длина формы увеличивается вместе со степенью интенсивности. Так и в наших примерах однократности соответствует более короткая форма (с нулевым показателем), а многократности — более длинная (с показателем *-ing*).

До сих пор мы сталкивались с образованием существительных со значением однократности от мультипликативных глаголов, т. е. глаголов, обозначающих совокупность идентичных кратковременных действий. В силу этого семантика таких глаголов близка к семантике предикатов занятия (действие, целью которой будет выполнение его самого) или проявления, в случае, если глаголы не предполагают наличия агенса (к примеру, *et glimt* — вспышка, блеск от глагола *glimte* — блеснуть). Всем этим глаголам свойствен-

на неопределенность. Однако в норвежском языке мы можем найти примеры предельных глаголов, использующих описанные модели для образования существительных, при этом возникают некоторые дополнительные семантические эффекты. Так, можно образовать существительное путем отсечения окончания инфинитива от глагола *å kjøpe* — покупать. Например:

(7) *Under følger en oversikt hvilke kort som kan brukes som betalingsmiddel hvor ved kjøp av togbillett* ‘Ниже приводится список карт, которые принимаются для оплаты при покупке железнодорожного билета’ — Абстрактное значение.

(8) *Et kjøp defineres gjerne som overføring av eiendomsrett mot betaling* ‘Покупка в большинстве случаев определяется как передача права собственности в обмен на оплату’ — Значение однократного действия.

(9) *Årets beste kjøp* ‘Лучшая покупка года’ — Существительное обозначает уже не само действие, а купленный предмет.

И, наконец, возможно образование отглагольного существительного при помощи суффикса *-ing*, который, как мы выяснили, сохраняет значение мультипликативности у существительных, образованных от мультипликативных глаголов.

(10) *Er det noen som har erfaring med kjøping av medisiner over internett?* ‘Есть ли кто-нибудь, кто имеет опыт покупки (покупания) лекарств через Интернет?’ — Здесь речь идет не о каком-то конкретном акте покупки, а о некоторой совокупности таких действий.

(11) *Siden dette handler om kjøping; er butikkene åpne når det er juleul?* ‘Раз уж речь зашла о шопинге, открыты ли магазины в Рождество?’ А в этом примере подразумевается занятие, хотя такое словоупотребление нельзя не заподозрить как калькирование значения английского *shopping*, поэтому вопрос частотности и характерности такой модели образования существительных со значением занятия от предельных глаголов в норвежском языке требует дальнейшего изучения.

Механизм возникновения таких дополнительных семантических эффектов при использовании модели образования существительных со значением однократности и мультипликативности от предельных глаголов требует дальнейшего изучения, не предусмотренного в настоящей статье.

Итак, на примере существительных со значением однократно-

сти и многократности от мультипликативных глаголов в норвежском языке мы увидели, что аспект, будучи глагольной лексико-грамматической категорией, тем не менее получает свое отражение и в отглагольных существительных. Это проявляется в регулярных соответствиях морфологии и семантики: существительные, образованные от глагола путем отсечения окончания инфинитива и совпадающие с основой, всегда принадлежат к среднему роду и обозначают однократное действие. Кроме того, они совпадают по форме со звуко-символическими междометиями. Образованные от тех же глаголов существительные со значением мультипликативности получают окончание *-ing*. Е. В. Урысон¹⁴ указывала на плодотворность изучения семантики слов с точки зрения выражения в них «чужих» (для определенной части речи любого языка) грамматических категорий, поэтому естественным направлением дальнейших изысканий в этой области представляются закономерности образования отглагольных существительных от глаголов, принадлежащих к другим аспектуальным классам.

¹ Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и яз. 1948. Т. 7, № 4; Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; New York, 1967.

² Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974; Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988; Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. Л., 1971; Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982; Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982; Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов; Comrie B. *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge, 1976; Durst-Andersen P. *Mental Grammar: Russian Aspect and Related Issues*. Ohio, 1992; Kim J. *Events and Their Descriptions: Some Considerations* // *Essays in Honor of C. G. Hampel*. Dordrecht, 1969; Lakoff G. *Stative Verbs and Adjectives in English* // *Mathematical Linguistics and Automatic Translation. Report N NSF-17 to the National Science Foundation*. Cambridge (Mass.), 1966; Lyons J. *Semantics*. Vol. 2. Cambridge; London, 1977.

³ Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.

⁴ Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974; Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984 и др.

⁵ Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

⁶ Языковая картина мира...

⁷ Добрынина Е. В. Семантическая категория длительности и средства ее выражения в современном нидерландском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.

⁸ Источники всех примеров — <http://google.no>, <http://www.ordnett.no>.

⁹ Для проверки русских слов использовался справочно-информационный портал — <http://www.gramota.ru>.

¹⁰ Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий. М., 2001.

¹¹ *Bojsen E.* 1) GISP! Og GAB! I Norden. Om nogle rodord i tegneserier // *Språk i Norden*. 1995. S. 41; 2) Arven fra Anders And & Co. Om nogle verbalinterjektioner i dansk m.m. // *Språket lever! Festskrift till Margareta Westman den 27 mars 1996*. Falun, 1996. S. 13–20.

¹² В личной беседе.

¹³ *Jacobson R.* Quest for the Essence of Language // *The Slavic Word II*. Copenhagen, 1966. P. 345–359.

¹⁴ *Урысон Е. В.* Аспектуальные компоненты в значении существительного // *Московский лингвистический журнал*. 1996. № 2. С. 380–385.

Evgenia Vorobyeva

THE SEMANTIC COMPONENT OF SINGLE ACTION IN VERBAL NOUNS IN NORWEGIAN

This article considers derivation of single action nouns and multiplicative nouns from multiplicative verbs in Norwegian. Two models of such derivation are described: single action nouns usually coincide with the verb stem (the infinitive deprived of the final *-e*) and belong to the neuter gender, while multiplicative nouns are supplied with the inflection *-ing*.